

Живет во Франкентале (Германия).

Она писала мне из Испании

Она писала мне из Испании – буквами, как бесенята, мелкими, что скучает, купается в море, везет в подарок часы – недорогие, но очень красивые, с необычными стрелками, изящными и поджарыми, как андалузские псы.

Она описывала деревья, многорукие, как менора с апельсинами вместо свечек. Об испанцах – не очень к месту – сообщала, что галантны, обращаются к ней «сеньора», удивляются, что одна, и зовут разделить сиесту.

Признавалась вдруг, что поверила в жизнь иную

впервые и здесь, где ничто ни на что не похоже.
Я читал ее строчки, делая вид, что ревную,
удивленному воздуху корчил страшные рожи,

расправлялся с андалузцами одним ударом навахи,
доставал из бара бутылку риохи,
бормотал про себя: «Ах уж эти испанские махи...»,
добавляя зачем-то: «Ох уж эти еврейские лохи...».

Ее письма, меж тем, истончались, как влага
под субтропическим солнцем, читаясь кондово:
«Изумил Кадис... поразила Малага...
несравненна Севилья... хороша Кордова».

Затем пришла бандероль. С часами. К часам прилагалась записка:
«Остаюсь в Испании. Весной расцветет миндаль.
Не грусти, я люблю тебя. Лишь отбрасывая то, что близко,
видишь даль».

Я пил кое-что покрепче. Вспоминал ее родинки – десятки родин
на теле. Говорил себе, что бессмысленно стоять на пути к
совершенству... По слухам она то ли вступила в монашеский орден,
то ли открыла на набережной butik.

Я сидел, у безморья ожидая шторма.
На ее часах, заблудившись меж точками и тире,
околевали стрелки – как собаки, лишенные корма,
умирают в собственной конуре.

* * *

Пора перелетных птиц отпускать на волю –
в нездешние палестины, в невидимые леванты.
Красный ветер гуляет по маковому полю.
Сиреневый ветер шевелит стебли лаванды.

Вечер опускает голову, как усталый вол,
волк за горой поднимает привычный вой.
Ты всего лишь одна волна из тысячи волн.
Ты всего лишь одна война из тысячи войн.

Сосчитай черепа – хорош ли сегодня улов?
Сквозь плетение невода льется квадратно свет.
Говори со мной – у меня достаточно слов,
чтоб глядеть на тебя, ничего не сказав в ответ.

Я бросаю твой невод в небо и вновь молчу.
И глядит, подрагивая, желтой луны свеча,
как приходит вечер, тебя прислонив к плечу,
и приходит вечность, тебя отряхнув с плеча.

* * *

... но внутри неприятно – становится тесно извне.
Улыбается преданно то, что давно уже продано.
Хорошо быть улиткой и всюду носить на спине
бесподобно красивую, трепетно хрупкую Родину,

ощущать каждой клеточкой тела, что вы – заодно,
неразлучные спутники, верные дружбе соратники,
сообща опускаться по скользкому илу на дно
и по тучному склону соборно ползти в виноградники.

Истончав, как слюда, за собой не оставив следа,
времена и места, как тоска и тоска, одинаковы, но
рассыпается мир, и сочится морская вода
застывающей каплею соли из треснувшей раковины.

